Фолстстефф-тсj тfтсw fqjкjдкfj ? нэлzдзвтетсh в теОдзтсв Оэлстстеqlsстеqlsстеqlдzj qf нj дзтсf теОlsqf нэОнqОlsqfдzjlsдzj? нОэдzsflsqf[1]

Замысел и содержание брошюры диктовались общей ситуацией, сложившейся в постсоветской России к середине 90-х гг. прошлого века. Вкратце произошло следующее. После августовского путча 1991 г. и распада СССР у власти оказались радикально-либеральные силы, которые, в противовес перестроечной политике демократической реформации общества, взяли курс на форсированный демонтаж механизмов этатистско-бюрократического управления и незамедлительный перевод народного хозяйства на рельсы рыночной экономики.

При этом на вооружение вроде бы были взяты и даже закреплены конституционно наиболее распространённые демократические права и процедуры. Однако на самом деле и в экономике («шоковая терапия»), и в политике (расстрел парламента, принятие конституции) возрождались авторитарные методы и традиции номенклатурного самовластия, приукрашенного демократическим декорумом.

Подверглись «слому» важнейшие органы государственной власти, следствием чего стало усиление сепаратистских тенденций, которые, уже разрушив Советский Союз, стали работать на дезинтеграцию России. Под лозунгом борьбы с этатизмом были ликвидированы ещё сохранившиеся рычаги регулирования экономических процессов. Ссылки на необоснованно разбухший промышленный потенциал были использованы для того, чтобы осуществить деиндустриализацию страны. Скороспелый отказ от внешнеэкономической монополии обернулся открытием внутреннего рынка для зарубежных товаров, что лишило конкурентоспособности внутренних товаропроизводителей. Сладкие речи о процветающем «среднем классе», верной опоре нового режима, были использованы для бесконтрольного расхищения государственного имущества, созданного трудом многих поколений. Львиная доля национального богатства перешла в руки горстки супербогачей – «олигархов» и сросшейся с ними верхушки правящей элиты. И это отнюдь не привело к повышению эффективности производства. Напротив, радикально-либеральные «эксперименты» неотвратимо влекли страну к катастрофе.

В 1994 г., спустя два года после начала либеральных реформ, основные показатели экономического состояния России сократились вдвое. Валовый продукт составил 61,0% от уровня 1991 г., объём промышленной продукции – 55,7%, производство товаров народного потребления – 56,0%, капитальные вложения – 39,0%.

---

[1] I нОдzsдзj теqlsкj дzqf тfzвдzqf?zj lsfj тfj теОw втетsh в теО элстстеОw вzнj lsтsfzвдzqf?тсэОдzОтfтsLкj.

Народу обещали, что вслед за этим начнётся подъём. Однако ни в 1995, ни в 1996 гг. улучшения не произошло. Напротив, появились дополнительные негативные тенденции. Внутренний долг вырос до угрожающих размеров. Уменьшение инфляции сопровождалось беспрецедентным ростом взаимных неплатежей. Причём главным неплательщиком стало государство. Массовый характер приобрели неплатежи в бюджет и внебюджетные фонды, отказ платить налоги, бегство в теневую сферу.

Соответственно ухудшилось положение основной массы населения. Хронический характер приобрела задержка зарплаты. Резко возросла безработица. Уровень жизни населения, даже по официальным данным, снизился по сравнению с 1989 г. более чем в два раза. Изменилась к худшему структура потребления. Беспрецедентными для России стали масштабы бедности. В 1996 г. к категории бедных относились 32,0 млн. граждан (21,6%). По ожидаемому показателю продолжительности жизни Россия опустилась до уровня слаборазвитых стран Азии и Африки, заняв 135-ое место в мире.

Снижение жизненного уровня сочеталось с резкой социальной поляризацией. Соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных граждан (децильный коэффициент) составил, по данным Госкомстата РФ, в 1996 г. 1:13,0, а в 1997 г. – 1:13,2. при общепризнанной норме в 1:4–1:7.

Ухудшение условий существования породило процессы моральной деградации. Криминализация общества, обозначившаяся ещё в последние годы существования советской власти, приняла всеобщий характер. Овладев значительной частью народного хозяйства, организованные преступные объединения стали предъявлять притязания и на политическую власть.

Естественно, катастрофические экономические и социальные итоги не могли не привести к резкому падению политического доверия граждан к находящимся у руля власти деятелям и к режиму в целом. Оно распространилось не только на личность тогдашнего президента, но и на все другие институты власти: обе палаты Федерального собрания, правительство, региональные и местные органы исполнительной власти, милицию и армию.

Негативные тенденции наметились и в массовом общественном сознании. Поскольку проводившаяся политика подавалась как демократическая, её негативные результаты сказались на отношении россиян к демократии. Одни усматривали причины бедствий в искусственном насаждении в стране западных форм демократического правления, не отвечавших, по их мнению, российским условиям. Другие

тосковали по «сильной руке», которая навела бы порядок в стране. Дезориентация общественного сознания нашла отражение как в политической публицистике, так и в научно-теоретической сфере. Официальная пропаганда, вопреки фактам, исчисляла демократические преобразования в стране с момента начала радикально-либеральных реформ, рассматривая перестройку как завершающий этап коммунистического режима. Апологеты новой власти оправдывали авторитарную практику приватизации государственной собственности, безоговорочно определяя сложившийся политический режим как демократический.

В этих условиях авторы сочли необходимым выступить в печати с критическим анализом соотношения демократических и авторитарных тенденций в политическом развитии российского общества в постперестроечный период. В чём мы видели свои задачи? **Во-первых**, в том, чтобы развенчать вновь зарождающуюся мифологию относительно демократичности ельцинского политического режима, в котором отчётливо просматривался «авторитарный откат» от завоеваний перестройки. **Во-вторых**, в том, чтобы доказать неэффективность авторитарной политики в демократической реформации российского общества. **В-третьих**, в том, чтобы вскрыть объективные корни авторитаризма в российской действительности, в том числе в общественном сознании, не позволяющие рассчитывать на быстрое решение этой проблемы. **В-четвертых**, наметить программу конкретных мер противодействия авторитарным тенденциям и предложить обществу казавшуюся возможной альтернативу.

Разумеется, сегодня, когда мы обогащены почти двадцатилетним опытом, насыщенным событиями и деяниями, часто непредвиденными и неожиданными, многие поставленные нами вопросы нуждаются в более глубоком и разностороннем освещении. Само понятие «демократической реформации российского общества» выглядит сегодня гораздо более объёмным и многоаспектным, не зацикливается на одном каком-то этапе и не укладывается в линейную логику. Очевидно, что эта более сложная система координат предъявляет и более высокие требования к политическому анализу соотношения авторитарных и демократических тенденций в развитии общества.

Особенно в новом видении нуждается проблематика сильной демократии. Двадцать лет тому назад социально-политический опыт – и российский, и мировой – не давал достаточно материала для осмысления тех новых подходов к демократии и демократическим движениям, которые получили широкое распространение в последние годы. Стоит только подумать, насколько более убедительными выглядели бы выводы авторов о превосходстве сильной демократии над авторитаризмом, если

бы в их распоряжении была аргументация, разработанная сторонниками концепций мониторинговой демократии, сетевых социальных движений, новых коммуникационных технологий, прозрачности публичного пространства, изменения конфигурации властного поля.

Но всему своё время. По гамбургскому счёту, идеи воспроизводимой в Вестнике статье о демократических тенденциях в политическом развитии России имеют непреходящую значимость. Отталкиваясь от этих идей и развивая их, мы позднее опубликовали две монографии: А. Галкин, Ю. Красин. *Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития.* – М.: Весь мир. 1998; А. Галкин, Ю. Красин. *Россия: Quo Vadis?* – М.: ИС РАН. 2003. Этот сюжет развит и в более поздней электронной коллективной монографии Отдела анализа социально-политических процессов ИС РАН *«Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией».* /Под ред. Ю. А. Красина. – М.: ИС РАН. 2013.